

ТЕАТР БРЕХТА

Устами
интервью

В гостях у новосибирцев побывал писатель, переводчик романов Бёлля и Ремарка, Л. З. Копелев.

В серии «Жизнь замечательных людей» вышла его книга «Брехт», вызвавшая большой интерес как в нашей стране, так и за рубежом. Перед отъездом писателя мы попросили его ответить на несколько вопросов, связанных с творчеством немецкого драматурга Бертольда Брехта.

* * *

— Лев Зиновьевич, какое место, на ваш взгляд, занимают пьесы Брехта в репертуаре театров мира?

— За первые десять лет после его смерти в пятидесяти трех странах состоялось 1.436 премьер. В Париже, где Шекспир до сих пор считается экзотическим писателем, Брехта понимают прекрасно. В Англии его пьесы идут с немалым успехом. В Америке вторым драматургом после Шекспира называют того же Брехта. У нас в стране такие пьесы, как «Трехгрошовая опера», впервые принесшая Брехту мировую славу, «Карьера Артуро Уи», «Мамаша Кураж» и многие другие, идут в Москве, Ленинграде, Таллине, Тбилиси, Кемерове и других городах.

— Могу добавить, что «Мамаша Кураж» и «Добрый человек из Сезуана» ставились в Новосибирске.

— Театр Брехта часто называют «рационалистическим», «театром мысли». Какие для этого есть основания?

— Брехт считал, что театр новой эпохи, эпохи науки и социальных переворотов, не может оставаться в старых рамках. Он ищет новые пути, ищет то, что способно заставить человека думать. В поисках этого нового Брехт приходит к марксизму, к понятиям классовой борьбы. На многие волновавшие его вопросы он находит ответ у Маркса, Ленина, Либкнехта. Своим искусством Брехт стремится к утверждению новой идеологии, идеологии марксизма. Брехт рассчитывает на интеллектуального зрителя, к нему обращается, его старается расшевелить, «спровоцировать на мысль». Например, одной из своих первых пьес «Что толк солдат, что этот» Брехт заставлял современников задуматься над тем, как опасна была жизнь в Германии уже в начале двадцатых годов. Эта пьеса была поставлена за семь лет до под-

жога рейхстага. Брехт как истинный художник понял гораздо раньше других, куда может пойти страна, в которой люди неспособны сказать слово «нет!». Этой же цели — заставить зрителя думать — подчинен один из многих приемов, введенных Брехтом — «сонги»: действие прерывается, актер выходит на авансцену и поет, причём текст песен внешне бывает совершенно не связан с событиями на сцене. Но внутренняя, часто сложная и глубокая, связь существует всегда. Иногда актер заранее рассказывает, чем кончится пьеса, чтобы зритель следил не за развитием сюжета, а за мыслью.

— Не могли бы вы сказать несколько слов о драматургической форме Брехта?

— Я часто слышу споры о «брехтовском стиле». Лучше было бы сказать так: у него было столько стилей, сколько требовалось для того, чтобы заставить зрителя думать. Брехт обладал богатейшей фантазией, но в то же время он по-немецки скрупулезно анализировал каждый свой шаг в искусстве. На сцене он, как режиссер, выверял до сантиметра положение актера, каждый его жест. Кстати, Брехт ввел интересную практику: на его репетициях мог присутствовать кто угодно, если, конечно, гость мог объяснить, зачем он пришел. И если по ходу действия кто-нибудь из зала хотел сделать замечание, Брехт останавливал репетицию и внимательно выслушивал. Но он не терпел расплывчатых, туманных замечаний, вроде: «Здесь что-то не то, что-то не так». У Брехта было очень много соавторов. Порой даже на афишах его пьес стояло несколько имен.

— Назовите, пожалуйста, людей, которые помогали вам в работе над книгой о Брехте.

— Друзья из ГДР предоставили мне богатейший материал. Я имел доступ в архив Брехта, читал его дневники, письма... Но личность Брехта трудно было бы представить, если бы не рассказы его близких — жены Елены Вайгель, секретаря Елизабетт Гауптман, многих учеников и друзей. Особенно помог мне Эрвин Штринтматтер, которого в свое время «открыл» Брехт, поставил его пьесу, сделал своим помощником. Когда книга вышла, первым откликом за границей был теплый отзыв о ней Луи Арагона. Очень дельные замечания по книге высказал Бернард Райх, чудесное письмо пришло от Александра Гладкова... Арагон высказал пожелание, чтобы книгу перевели на французский, а в Югославии сразу взялись за дело — по частям перевод напечатали в газете «Политика», на сербском языке.

Беседу вел

В. ДУДЧЕНКО.

10 ЯНВ 1956

ВЕЧЕРНИЙ НОВОСИБИРСК
г. Новосибирск